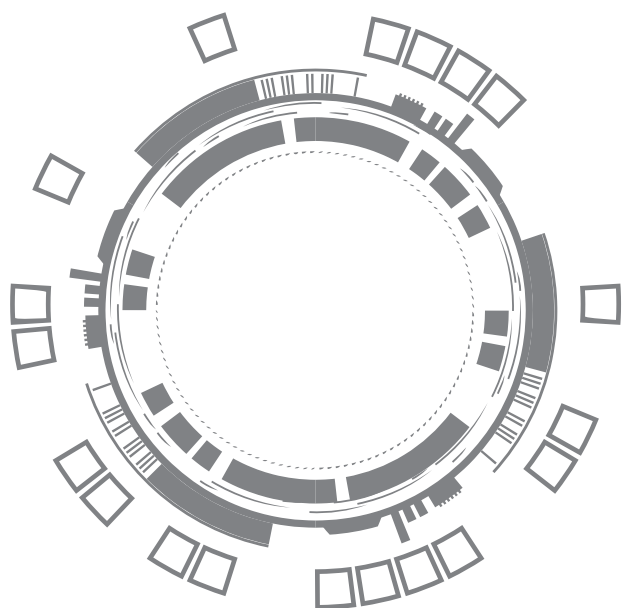

КИБЕР РЯБА

КРАХ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Москва 2026
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р90

КИБЕР РЯБА КРАХ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Лина Рут

Иллюстрации Алины Бочковой

Рут, Лина.

Р90 Кибер Ряба. Крах человечества / Лина Рут — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 160 с. — (Изнанка сказки).

ISBN 978-5-17-187829-0

«Не плачь дед, не плачь баба, снесу вам новое яичко, не золотое, а простое».

Кто же знал, что после этой фразы начнется сущий кошмар.

От прежнего мира не осталось ни следа. Технологический прогресс скакнул далеко вперед. Ученые научились не только модернизировать человеческие тела, но и создавать идеальное оружие. По крайней мере, им так казалось.

«Ряба» не должна была выйти из-под контроля.

Пока нижние уровни лаборатории захлебываются мутациями и смертью, двое оперативников отправляются на поиски опасного создания. Но чем ближе они к цели, тем яснее становится: настоящий монстр здесь вовсе не машина.

ISBN 978-5-17-187829-0

УДК 821.161.1-34

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лина Рут, текст, 2026

© Алина Бочкова, иллюстрации в блоке, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

В лаборатории витал запах озона, смешиваясь с едва уловимым запахом подгоревшей пластмассы. Доктор Аркадий Ли стоял перед стеклом камеры и смотрел, как его творение проходит очередной тест на стабильность корпуса.

Обычная девушка лет двадцати, не слишком примечательная на вид — серые глаза, короткие рыжие волосы, россыпь веснушек на бледном лице. Даже, наверное, слишком непримечательная. Никто и не догадается, что перед ним андроид.

Когда Аркадий впервые представил ее на совете директоров, девушку презрительно называли рябёй, а потом попросили сделать покрасивее. Доктор Ли тогда скрипнул зубами, но промолчал, хотя внутри все вскипело. «Рябая», — передразнил он про себя, возвращаясь в лабораторию, и вдруг улыбнулся. А почему бы и нет? Он назовет ее Рябой. Назло всем. Потому что она не обязана быть красивой, чтобы быть ценной.

«Ты у меня самая лучшая, — шептал он тихо, когда Ряба проходила тесты. — Даже если никто этого не понимает». Он ведь не собирался делать ее моделью или украшением. Нет, он создавал Рябу совершенно для иного.

Аркадий не любил вспоминать, с чего начался его путь биоинженера. В двадцать два года, еще студентом, он потерял младшую сестру. Она работала химиком-технологом в лаборатории. Но однажды автоматика дала сбой, давление в реакторе превысило норму, и в цех ударило облаком ядовитого газа. Она оказалась в самом эпицентре.

Спасатели прибыли быстро, но войти в зону поражения не могли — мало того, что уровень токсинов зашкаливал, двери оказались автоматически заблокированы. Пока они пытались открыть проход, на помощь прибыл специальный робот-спасатель, но и ему пришлось ждать, пока хакеры не сумеют взломать дверь дистанционно. Поэтому, когда робот наконец оказался внутри, сестра Аркадия уже была мертва.

«Был бы у нас робот, которому не страшны никакие препятствия, — обронил тогда кто-то из спасателей, — если бы он мог стать гибким, как змея, или маленьким, как крыса... Может, тогда людей гибло бы меньше».

Эти слова врезались в память Аркадия намертво. Он поклялся: ни один человек больше не погибнет, потому что техника не смогла вовремя добраться до него. Он создаст машину, которая проберется там, где не пройдет человек или обычный андроид. Которая спасет тех, кого сейчас спасти нельзя. Эта идея стала его одержимостью. Аркадий просиживал в домашней лаборатории целыми сутками, обивал пороги разных компаний, но

езде его гнали прочь: казалось, что сделать такого андроида невозможно.

А потом Аркадий пришел в «БиоТех».

— Тест сто сорок семь, — произнес автоматический голос из динамиков. — Запрос: изменение формы дистального отдела правой верхней конечности.

Ряба подняла правую руку. Под бледной кожей проступили темные прожилки вен, контуры ладони задрожали и поплыли. С тихим хрустом начали вытягиваться пальцы, заостряясь на конце, между ними натянулись тонкие полупрозрачные перепонки. Обычная человеческая кисть превращалась в нечто, напоминающее рыбий плавник.

— Достаточно, — тихо сказал Аркадий. — Остановка теста.

Мутация остановилась на половине, и рука медленно стала возвращаться в нормальное состояние. Ряба не произнесла ни слова, на ее лице застыла вежливая улыбка. Конечно, никакого неудовольствия она выказать не могла. Научить ее чувствовать Аркадий так и не решился. Не потому, что это могло привести к неудаче, нет. Он боялся, что это принесет Рябе слишком много боли от постоянных перестроек тела.

Можно, конечно, запрограммировать андроида на эмпатию, не устанавливая ему болевые рецепторы... Но тогда эти эмоции будут неполными, недостоверными, ненастоящими. Боль вызывает злость и гнев, боль физическая вызывает боль душевную, а избавление от боли душевной может привести к радости, счастью и умиротворению. Как понять человека, страдающего от зубной боли, если никогда ее не испытывал?

Базовые эмпатийные схемы, конечно, заложены у всех андроидов, но они позволяют лишь распозна-

вать эмоции окружающих, дифференцировать их, чтобы реагировать адекватно. Андроид может произнести слова сочувствия, но это будет шаблонная фраза, не несущая в себе эмоций. Удовлетворится ли этим страдающий человек?

Нет, учить Рябу истинной эмпатии Аркадий не хотел. Достаточно уже того, что она умела подстраиваться под любые условия: просачиваться сквозь щели, превращаться в транспортную форму, создавать из собственных рук и ног необходимые инструменты. Даже если забыть о физической боли от перестройки, ей ведь предстоит постоянно, изо дня в день, контактировать с людьми, страдающими от боли. С обожженными, отравленными, заваленными людьми. Сможет ли Ряба выдержать такое, если будет искренне сопереживать? Аркадий боялся, что нет.

Он не хотел причинять ей боль — даже искусственную. Не хотел, чтобы она страдала, глядя на чужое горе. «Она будет спасать, — убеждал он себя мысленно. — Но не обязана плакать вместе с каждым. Достаточно того, что она сделает все возможное, чтобы помочь».

Вместо того чтобы учить ее чувствовать, Аркадий просто разговаривал с ней. В качестве тренировки, как говорил он себе. Рябе ведь придется общаться с пострадавшими, верно? Она должна тренироваться для успешного распознавания эмоций. Поэтому Аркадий каждый вечер садился рядом с камерой и рассказывал о том, что случилось за день. О том, что на улице весь день идет дождь, что он почти не спал ночью, мучаясь бессонницей, а в городе опять отключили горячую воду. Ряба слушала, кивала и задавала вопросы. Иногда они пугали Аркадия своей прямоотой.

«Почему люди не перестают пробовать, даже если у них постоянно не получается?» — спросила она однажды. Аркадий тогда замялся, а после паузы ответил: «Потому что надеются. Даже когда надеяться не на что».

На следующее утро Ряба встретила его вежливой улыбкой и спросила:

— Ты сегодня надеешься?

Он замер, почувствовав, как внутри что-то екнуло. Ряба не просто имитировала понимание, она пыталась применить услышанное к нему самому. Это был скачок, который он не планировал.

— Надеюсь, — наконец ответил он. — Так же, как и вчера, и позавчера. Надеюсь, что работаю не зря и когда-нибудь ты спасешь много жизней.

Ряба кивнула и больше не спрашивала. Но Аркадий в тот вечер долго сидел в пустой лаборатории, глядя на нее, погруженную в спящий режим. Он вдруг остро осознал: она перестала быть просто инструментом и стала проекцией всего, во что он верил. Она стала для него ближе, чем кто-либо еще, но для всех остальных она по-прежнему оставалась обычным роботом.

Что он будет делать, если однажды ее решат уничтожить?

Аркадий оперся на край стола и потер переносицу. Кто бы мог подумать, что ему действительно придется вставать перед выбором: либо он, либо Ряба. Ее, конечно, ждало не уничтожение, но все-таки, все-таки...

Он пришел в корпорацию «БиоТех» три года назад, а казалось, что прошла уже целая вечность. Некогда обычная фармацевтическая компания со временем разрослась до одного из мировых лидеров в области

разработки андроидов и киберпротезов и стала выглядеть для молодых биоинженеров работой мечты. Он был уверен, что ему откажут. Идея создания уникального андроида-спасателя, способного работать в любых условиях, действительно звучала нереалистично. Аркадий уже и сам, отчаявшись, перестал верить в то, что сумеет сотворить подобное.

Но «БиоТех» согласился. Аркадий не верил своему счастью. Он получил финансирование, лабораторию, сотрудников и полную свободу действий... Как оказалось, до поры до времени.

Из абстрактной идеи постепенно появилась Ряба — первый андроид, способный произвольно менять форму и стабилизировать раненых с помощью временных имплантов.

А потом совет директоров решил, что использовать Рябу можно иначе.

Аркадий помнил ту встречу. Длинный стол из темного матового стекла, семь представительных мужчин, почти полностью кибернезировавших тела ради prolongation жизни.

«Доктор Ли, ограничивать вашего андроида спасением обычных людей — кощунство. Если направить ее в полевые условия, она сможет влиять на тела противников, на их оборудование... Она станет оружием нового поколения!»

Аркадий помнил тот ужас, что вмиг скрутил его внутренности. Помнил, как резко отказался тогда — наверное, слишком резко. Как пытался убедить директоров в невозможности этой идеи, бормоча что-то про ограниченность воздействия, про лимит ресурсов... Он выдумывал причины на ходу.

Потому что на самом деле Рябу действительно можно было так использовать. Аркадий знал это, но был готов пойти на все, чтобы защитить свое творение, не допустить его столь варварского использования. Согласиться значило отступить от всего, во что он верил, ради чего разрабатывал Рябу. Забыть о спасении жизней и смириться со смертью многих людей, навсегда окрасить свои руки кровью.

Аркадий помнил, что на него смотрели и улыбались. Не перебивая — но и не соглашаясь. Никто не собирался отказываться от столь выгодного предприятия. Ему просто вежливо дали возможность высказаться.

Так что вскоре Аркадий замолчал. Он понял, что слова здесь бессмысленны, что этих людей — если они вообще все еще люди — ему ни в чем не убедить. Он мог говорить дальше, пытаясь воззвать к здравому смыслу, но слова разбивались о стену алчности и равнодушия.

«Вы знаете, доктор, — выждав немного, сказал тогда председатель и улыбнулся, — мы всегда находим способ убедить талантливых людей».

Ему дали немного времени «подумать», но менять свое мнение Аркадий не собирался. Он вырос в семье потомственных врачей. Отец — хирург, мать — анестезиолог. Они были людьми с жесткими принципами: никаких взяток, никаких операций «без очереди», никакой разницы в отношении к богатому и бедному пациентам. «Наша задача — спасти, — говорил отец, когда Аркадий был еще подростком. — А не выбирать, кто достоин жизни, а кто нет». Эта простая истина вьелась в него так глубоко, что стала второй натурой. Когда он пришел в «БиоТех», он наивно думал, что здесь будут разделять его ценности — развитие биомеди-

цины, снижение смертности, открытие новых горизонтов. Теперь он понял, что ошибался. Но отказываться от своих принципов ради чужих амбиций доктор Ли все равно не собирался.

«Если я отступлюсь, — думал он, — значит, я предаю не только сестру, но и отца с матерью. И всех, кто поверил в меня».

Поэтому он начал готовиться к худшему. Проклиная тот день, когда пришел в «БиоТех», он зашифровал свои научные дневники, спрятал резервные копии исследований и даже нашел неожиданного союзника — Михаила Ивановича, одного из директоров. Этот стойкий человек занял свое место тяжелым трудом, прошел все должности, начиная с самых низов, и поэтому всегда ставил нужды населения на первое место. Создание нового оружия он не одобрял. Излишнюю одержимость имплантами, так выраженную у других директоров, тоже. В нем был лишь кардиостимулятор да слуховой аппарат. Он старел, старел неумолимо, но уходить слишком легко не собирался.

— Тебе нужно уйти, — жестко сказал Михаил Иванович, когда они встретились с Аркадием на прошлой неделе. — Прежде, чем они придут за тобой. Они придут и за мной, я знаю, они ни перед чем не остановятся, хотя вдвоем мы мало что можем изменить. Я немного подчистил документацию: все планы, схемы и протоколы, которые уже создали для управления Рябой, уничтожены безвозвратно, так что им придется начать все с начала. Но это не все, тебя будет ждать еще один подарок. Я отдам его при нашей следующей встрече.

Аркадий не верил, что корпорация готова зайти так далеко. Но он ошибался.

Та встреча с Михаилом Ивановичем оказалась последней: три дня спустя его нашли мертвым в собственном пентхаусе. По официальной версии, смерть наступила из-за поломки кардиостимулятора, но Аркадий не верил в это, просто не мог поверить. А еще он знал, что члены совета директоров регулярно проходят тщательные медосмотры, на которых все импланты ремонтируются и калибруются. Неужели поломка оказалась настолько внезапной и серьезной? Или просто медики недоглядели? А может, кардиостимулятор здесь вообще ни при чем?

Аркадий терялся в догадках и всю ночь после столь жуткой новости провел без сна. А наутро, усталый и измученный собственными мыслями, неожиданно обнаружил на личной электронной почте новое письмо. Нахмурился, открыл и замер. Отправителем значился Михаил Иванович.

Сердце пропустило пару ударов. Аркадий не поверил своим глазам и вчитался в строки письма.

«Доктор Ли, помнится, я обещал вам подарок. Это письмо с отложенной отправкой, и, когда вы получите его, скорее всего, меня уже не будет в живых. Но не расстраивайтесь: я настроил свой слуховой аппарат так, чтобы он мог записывать улавливаемые звуки, автоматически подгружая файл с ними в мое личное облачное хранилище. Вы входите в число лиц, которым разрешен доступ к нему. Для этого воспользуйтесь ссылкой в конце письма.

Сегодня в шесть часов вечера я встречу с председателем совета директоров. Если я умру и вам скажут, что это был несчастный случай, не верьте. Скорее всего, это не так.

Слуховой аппарат сможет продолжать запись даже после моей смерти, но лишь в течение нескольких часов. Потом он отключится из-за отсутствия сигналов головного мозга. Надеюсь, вы используете полученные записи правильно.

Удачи.

С уважением, Гаврилов М. И.».

Аркадий перечитал письмо несколько раз. Затем обхватил себя руками, ненадолго закрыл глаза, глубоко вдохнул, задержал дыхание и медленно выдохнул. Потом сделал так еще раз, и еще один. И только тогда снова открыл глаза. Сердце, колотившееся в горле, понемногу замедлялось, возвращаясь к нормальной работе. Аркадию нужно было успокоиться и вернуться к работе тоже.

Он перешел по указанной в письме ссылке и действительно нашел в облачном хранилище несколько файлов, подписанных с указанием даты и времени. Аркадий скачал тот, где в дате стоял день смерти Михаила Ивановича, но файл оказался зашифрован, и ученый, вздохнув, принялся за расшифровку.

Это заняло несколько часов, но файл наконец открылся. Аркадий с облегчением выдохнул, вытер со лба пот и промотал аудиозапись до шести часов вечера. А потом, невольно задержав дыхание, включил воспроизведение.

«Это ваш последний шанс, Михаил Иванович. — Аркадий без труда узнал голос председателя совета директоров и содрогнулся. — Отступитесь от своих глупых взглядов, пока еще не поздно. Вы все равно ничего не измените».

«Вы решили навестить меня лично, чтобы сказать об этом? — А теперь говорил Михаил, и Аркадий явствен-

но видел его усмешку во время этих слов. — Очень любезно с вашей стороны, Игорь Петрович. Но вы зря тратите время».

Повисла тишина. Аркадий представил встречу этих двух людей: как они стоят друг напротив друга, смотрят в глаза, готовые стоять за свои убеждения до самого конца. А может, кто-то из них сидит?

«С вами было интересно работать, Михаил Иванович, — наконец сказал председатель. — Даже жаль, что все так вышло».

Кто-то часто задышал, захрипел, потом раздался приглушенный хлопок, словно что-то тяжелое упало на пол, и хрипы прекратились. Аркадий ждал, полностью обратившись в слух. На записи вновь наступила тишина, и из-за нее стук сердца в ушах ученого казался просто оглушительным.

Невозможно. Невозможно.

Все-таки сердечный приступ? Но почему именно сейчас?

На записи зазвонил телефон, и Аркадий невольно вздрогнул.

«Да, все прошло без проблем, — помолчав, проговорил председатель. — Сердечный приступ — действительно самый чистый вариант. Пришлось только заплатить, чтобы на последнем медосмотре управление его кардиостимулятором синхронизировали с другим устройством. Ну, и вовремя спровоцировать фибрилляцию, естественно».

Аркадий замер. Он не мог поверить своим ушам, внутри все оборвалось. Михаила Ивановича действительно убили — и кто? Не наемники с улицы, не конкуренты. Свои.